

Т.А. ГРИДИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ЧТО ТАКОЕ «АЛЬДЫТЫП»: ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ДЕТСКОГО ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

Аннотация: В статье рассматриваются потенциальная актуализация фоносемантики окказионального детского слова, в том числе проявляющая способность ребенка к языковой игре. Верификации подвергается гипотеза о полимодальной природе восприятия фоносеманта: визуальной, кинестетической, аудиальной. Методика прямого толкования используется как стимулирующий фактор ассоциативного прогноза при определении потенциальных значений детской инновации *альдытып* респондентами разного возраста (дошкольниками и школьниками). Полученные реакции на заданное слово анализировались в трех проекциях: в плане денотативного спектра (предметной отнесенности квазислова); ассоциативной аналогии, на основе которой выводится перцептивный образ обозначаемого; проявления интенции к языковой игре. Выявляется корреляция между среднестатистической (установленной по системе ВААЛ) символикой стимульного слова-фоносеманта и оценочно-ассоциативными смыслами предлагаемых респондентами версий толкования.

Ключевые слова: детская речь, окказиональное слово, игровая составляющая слова-фоносеманта, психолингвистический эксперимент

Известно, что в раннем и младшем онтогенезе дети особенно чувствительны к фонетическому облику слова: уже протоязык ребенка включает в себя разные виды звукоизобразительных и звуко-символических номинаций (ономатопей и идеофонов). Эти разряды слов, представленные в раннем лексиконе ребенка, несут в себе заряд фоносемантической экспрессии. Звукоподражания (ономатопы) имитируют акустический денотат. Ср., в частности, звукоподражательную мотивацию детских инноваций *брума* (машина) и *читик* (воробей): Играет с машинкой, как бы «заводит» ее, повторяя «брр-у-у, брр-у-у». На вопрос мамы,

что это у тебя, – отвечает: – *Это моя брума!* (Влад, 2 г.). // Слышит, как воробьи чирикают: – *Слышите, как чирики расчирикались: чип-чип-чип* (Надя, 4 г.) (примеры из спонтанной детской речи: см. [Гридина 2012]).

Звукосимволические слова (идеофоны) не соотносительны с акустическим денотатом, но выразительностью своей фонетической оболочки подчеркивают свойства обозначаемого. Таково, например, протослово *бильба*, которое обозначает в речи ребенка (1г. 2м.) пуговицу, печенье, брошку, шапку [От ноля до двух... 1997]; сверхгенерализацию на основе признака «предмет круглой формы» поддерживает (и моделирует) сама звуковая оболочка слова: повторяющийся губно-губной («круглый») согласный [б] в сочетании с мягким плавным сонорным [ль] и «перекличкой» гласных верхнего и нижнего подъема [и] – [а]. По данным программы ВААЛ², ассоциативная символика звуковой оболочки слова *бильба* характеризуется признаками *яркий, веселый, подвижный, быстрый*, проявляющими визуальные и кинестетические ощущения положительной эмоции и активного действия.

Синестезия звука и формы, звука и размера, звука и эмоции, звука и цвета отражается в значениях окказиональных идеофонов детской речи.

Ср., например, слово *бараулька* – нечто неизвестное, непонятное (вызывающее интерес). Тянется в магазине к стоящей на полке игрушке: – *Это что за бараулька?* (Ксюша, 5 л.). Окказионализм, созданный ребенком, фоносемантически нагружен, служит средством выражения экспрессии и эмоциональной оценки. По данным ВААЛ, *бараулька* обладает звукосимволическими характеристиками *большой, хороший, яркий, подвижный, активный* и т.п.

Интересны случаи фоносемантического «подчеркивания» детьми разницы в размере обозначаемых. Ср. противопоставление по этому признаку детских слов *ибизян* и *убизян*. Костя

² ВААЛ – программа измерения фоносемантического «заряда» слова по среднестатистическим экспериментальным данным (см. <http://vaal.ru>).

(3г. 5м), вернувшись из зоопарка, рассказывает: – *Там был один такой маленький ибизян и большой убизян* (первое слово произносит высоким, тоненьким голосом, растягивая начальный гласный [и-и-и], второе – низким, растягивая гласный [у-у-у])³.

Несмотря на кажущуюся субъективность подобных ассоциаций, в них (как доказано экспериментальными исследованиями) проявляются некие универсалии, объясняемые артикуляторными и синестетическими механизмами производства и восприятия звуков речи (см. об этом: [Журавлев 1991; Воронин 2006; Левицкий 1988]).

Не менее значим для восприятия фоносемантической значимости слова и фактор «языковой привычки», связанный с приписыванием звуковым комплексам (и отдельным звукобуквам) смысловой коннотации тех слов, в которых они наиболее часто встречаются, а также фактор созвучия между разными лексемами (случайного или неслучайного, обусловленного или не обусловленного реальными смысловыми и/или мотивационными отношениями). Ложноэтимологический вектор фоносемантических ассоциаций проявляется в особом внимании детей к аналогиям, позволяющим соотнести слово с неким эталоном звучания. Ср., например, следующие примеры, фиксирующие отмеченное детьми сходство звучания имен собственных и имен нарицательных: *Олечка* (имя) как *колокольчик* (звучит похоже на *колокольчик*) – (5 л.) // Услышав упоминание в разговоре взрослых о тигре, бросает реплику: – *У нас в садике тоже Игорь есть* (трехлетний мальчик имеет в виду игрушечного тигра, омофонически сближая название с именем собственным; действительно, если несколько раз, как в скороговорке повторять *тигр*, получится нечто очень похожее на *Игорь*).

Фоносемантические ассоциации – один из актуальных для ребенка аспектов восприятия незнакомого слова. В частности

³ Приведенный факт из речи собственного сына был прокомментирован проф. А.К. Матвеевым в устной беседе с автором данной статьи (Т.Г.). При этом им особо подчеркивалось осознанное противопоставление ребенком гласных [И] – [У] как маркеров смысла «маленький» – «большой».

именно на основе произвольных (ложноэтимологических) созвучий ребенком выводится «объяснимая связь» между названием слова и его значением. Особым случаем таких сближений может служить актуализация мотивационных проекций окказионального фоносеманта, в том числе с установкой на языковую игру (см. [Гридина 2015: 84-87]).

Примером «актуализации» фонетической значимости слова может служить детское новообразование *альдытып*.

Фоносемантика данного окказионализма моделирует денотат «птичка». Вова (3г. 9м.), придумавший это слово, задает вопрос: – Мама, знаешь, что такое *альдытып*? – Не знаю. – Ну, мама! Это же птичка такая! (3г. 9м.). Можно было бы предположить, что *альдытып* – искаженный вариант какого-то «слышанного» (неверно воспроизведенного) ребенком названия птицы, однако прямой прототип в этом случае опознать не удастся. Звуковой состав детской инновации в какой-то степени имитирует плавное и одновременно прерывистое скачкообразное движение, вполне соответствующее «птичьему образу». Скорее всего, это слово – уникальный продукт детского словотворчества, необычность которого осознается и самим ребенком: не случайно он предьявляет собственное слово взрослому как загадку (и в этом содержится игровой потенциал данной инновации, требующей «дешифровки»).

В качестве метода верификации потенциальных фоносемантических проекций слова *альдытып* (в том числе и игровых) продуктивной представляется процедура прямого толкования, предполагающая возможность объяснения стимульного слова любым удобным для респондента способом при установке на произвольное (условное) определение его содержания. Такая установка «снимает» с участника эксперимента психологический зажим, связанный со стремлением найти правильный ответ: незнание реального значения не является препятствием для выдвижения собственной версии и включает респондента в ситуацию языковой игры. Инструкция задавалась в виде вопроса «Что такое *альдытып*?»

Согласно нашей гипотезе, в условиях эксперимента должны были проявиться не только потенциальные фоносемантические

проекции данного детского новообразования (потенциал его толкований на основе ложноэтимологических сближений), но и намеренно игровые интерпретации (при осознании респондентами-детьми условности предлагаемых версий).

Предполагалось также, что в реакциях на заданный фоносемант проявится звукоизобразительная символика слова. В эксперименте приняли участие дети от 4-х до 12-ти лет⁴. Эта градация должна была обнаружить «удельный вес» игровых интерпретаций слова в зависимости от возраста.

В полученных толкованиях явно обозначились звукоподражательные ассоциации, соотносительные с актуальными (индивидуальными) для респондентов эталонами подобного звучания.

Например, Дана (6 л.), предлагает следующие версии: 1. Это Щелкунчик (у мальчика есть механическая игрушка, довольно большая, он ее не любит и держит повыше в шкафу – видимо, в целях безопасности). 2. Это кто ходит везде, у него одежда искателя, он изучает всяких букашек и следы! 3. Кто громко говорит. Толкования явно стимулированы индивидуальной фоносемантикой слова:

(1) ассоциациями с действиями, подобными звуку раздавленного ореха (Щелкунчик); звукоподражательная мотивация;

(2) восприятием слова как звукоизображения» ходьбы, шагов, ср. также ассоциат следы и созвучный комплекс -ль(е)д- в фонетической структуре слова;

(3) ассоциацией с голосом человека (по высшей точке шкалы «тихий – громкий»). Ср. *щелчок*.

Уже сама вариативность предложенных ребенком версий толкования слова-фоносеманта проявляет его эвристическую активность в поиске возможных решений нестандартной задачи, правда, «придуманные» значения воспринимаются мальчиком

⁴ Заметим, что проведенный эксперимент имел пилотажный характер: дети дошкольного возраста опрашивались индивидуально, и этот опрос не имел фронтального характера. Реакции, полученные от детей младшего и среднего школьного возраста (по 20 чел. в каждой группе), составили основной массив материала.

как **реально** возможные: их поиск стимулирован стремлением найти **правдоподобный** ответ (элемент условности как установка на шутку в этих версиях явно не выражен, несмотря на их спонтанное остроумие).

Толкования слова *альдытып*, полученные от других респондентов – детей дошкольного и младшего школьного возраста, можно распределить а) по денотативной отнесенности; б) по характеру ложноэтимологических аналогий; в) по соотношению фоносемантики (в параметрах системы ВААЛ) и сем оценки, эмоции, интенсивности в значении толкуемого слова; г) по реализации установки на языковую игру.

Денотативный спектр толкований стимульного слова-фоносеманта, определяемый его ассоциативными векторами и ведущими модальностями восприятия⁵, довольно широк – от антропоморфных, натуроморфных и зооморфных до предметных (артефактных) образов, веществ, названий транспорта и др.

Ср.: *альдытып* – котенок (д., 4 г.), клоун (м., 5 л.), бабушка вкусно готовит, пальчики оближешь (м., 6 л.)⁶; человек-монстр многорукий (м. бл.), орешек (м., 6 л.), гора (д., бл.), там на лыжах катаются и шлепаются (м. 5 л.)⁷, пенка (м., 6 л.), музыка (д., 8 л.), название мультлика (м., 8 л.), герой мультфильма, добрый и всех спасает (по аналогии с именем антипода – злодея Альтрона, тоже из мультфильма), скейтборд (м., 10 л.), что-то медицинское, пилка (10л.), дырокол (13 л.) и т.п.

Характер фоносемантических аналогий определяется актуальными для каждого ребенка (респондента) лексическими

⁵ См., например, описание методик речевой диагностики, выявляющих взаимосвязь ведущих модальностей восприятия и формирования разных перцептивных образов [Коновалова 2015].

⁶ В таком определении *альдытып* – какое-то любимое ребенком блюдо, которое вкусно готовит бабушка, или экспрессивное междометие, выражающее высокую оценку бабушкиных кулинарных способностей.

⁷ Возможно, косвенная отсылка к ситуации катания на лыжах в горах, ср. *Альпы*. Фоносемантика *альдытып* коррелирует с звукоподражательным глаголом *шлепаться*.

сближениями по созвучию, причем при индивидуальности таких ассоциаций можно, тем не менее, выделить некоторые наиболее предсказуемые реакции (или направления ассоциирования).

Интересно само фонетическое членение квазислова на сегменты, которые оказываются релевантными (значимыми) для «нахождения» ответа на вопрос: «На что это похоже?»

Так, в структуре слова АЛЬДЫПЫП не только отчетливо выделяются, но и по-разному «работают» в плане продуцирования ассоциаций со знакомыми словами и оценочной характеристики обозначаемого сегменты – *альд*, *льд-*, *-пып* и др. (дистантные) звукокомплексы, выявляемые по принципу паронимической аттракции. Ср.: *альдыпып* – это *следопыт* какой-то, он что-то ищет, может, хочет клад найти (10 л.). Слова *альдыпып* и *следопыт* имеют одинаковое количество слогов, ударение на последнем закрытом слоге и сближаются как окказиональные игровые паронимы (по принципу звуковой идентификации). Предсказуемы и частотные ассоциаты *Альпы* и *альпинист*.

На фоне актуальных для ребенка сближений с созвучными словами (как техники произвольной, ложноэтимологической мотивации) проявляются особенности фоносемантики данного слова – *ассоциации звукоподражательного и звукосимволического характера*.

Ср.: *Альдыпып* – это *сигнал (пипочка)* на какой-то машине (м., 4 г.) // *Машина с громким сигналом* (Витя, 5 л.) // *Старенький звоночек* (д., 6 л.) // *Альдыпып... Это то, где газеты печатают и журналы всякие* (д., 5 л.) // *Поезд – едет по рельсам «альдыпып, альдыпып»* (м., 9л.) // *Старая (сломанная) печатная машинка* (у мамы стоит в кладовке) (д., 12 л.) и т.п.

Фонетический состав стимульного слова вызывает звукоподражательные (громкий сигнал, гудок, звонок, стук колес по рельсам, звук печатающей машинки) и кинестетические ассоциации (нажимание на кнопку, на клавиши).

Звукосимволическая мотивация, в отличие от звукоподражательной, содержит имплицитную характеристику денотата, подчеркивая и/или моделируя семантику выразительностью звучания.

В этом отношении показательны совпадения образа денотата и среднестатистических оценок звукосимволической значимости слова *альдыпып* (по системе ВААЛ).

Согласно экспериментальным замерам фоносемантической символики, АЛЬДЫПЫП производит впечатление чего-то *мужественного* и *большого*.

Процентное распределение фоносемантической значимости данного слова по заданным антонимичными прилагательными параметрам (в терминах Ч.Осгуда, это факторы оценки, силы, активности) показывает, что наибольшей выраженностью в плане восприятия обладает параметр размерности *большой – маленький* (33%), далее по степени убывания идут характеристики кинестетической модальности: *холодный – горячий* (23%), *грубый – нежный* (20 %), *добрый – злой* (17%), *гладкий – шероховатый* (14%), *простой – сложный* (13%), *сильный – слабый* (7 %), *хороший – плохой* (5%), *тяжелый – легкий* (4%), визуально воспринимаемые характеристики формы – *округлый – угловатый* (10%), характеристики аудиальной модальности *громкий – тихий* (10%).

Особенностью рассматриваемого фоносеманта является оценочная **амбивалентность** выделяемых в нём звуковых сегментов, которая, безусловно, может носить субъективный характер, но получает и статистическое экспериментальное подтверждение.

Так, начальный звукокомплекс АЛЬД, по данным ВААЛ, производит впечатление чего-то хорошего, красивого, безопасного, простого, гладкого, округлого, доброго, светлого, величественного, громкого, храброго, могучего, большого, активного, яркого, радостного;

ПЫП – впечатление чего-то плохого, отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, темного, грубого, мужественного, слабого, тихого, грустного, пассивного, тусклого, печального.

Приведем лишь некоторые примеры корреляции выведенного денотата и звукового облика толкуемого слова, свидетельствующие о взаимовлиянии лексической и фонетической семан-

тики в процессах ложной этимологизации (в том числе произвольной мотивации как случая языковой игры).

Семантика большой величины, силы, опасности, доброты, отсылающие к образам животных и насекомых.

- *Это медведь из леса. Кушает мёд и залезает лапой в улей* (д., бл.). Созвучие альдыпып с лапа, улей поддержано не только мотивационной пресуппозицией «медведь ест мед», но фоносемантикой труднопроизносимого слова *альдыпып*, коррелирующей с образом неуклюжести (ср. возможный ассоциат *топать* – о походе медведя и звукоизобразительный потенциал окказионального слова). Таким образом, альдыпып – звуко-символический синоним номинации *медведь*, «изображающий» его походку (ср. косолапый).

- *Это огромное опасное животное.* Злое (д., 6 л.) Фоносемантика большого размера с отрицательной коннотацией («опасное»).

- *Это какое-то хищное⁸ животное. Большое и доброе. В Африке живет и ест колючки* (м., бл.). Фоносемантика большого размера и положительная коннотация («доброе»).

- *Это насекомое маленькое* (д., 6 л.). Фоносемантика маленького размера (малой величины). Ср. *альдыпып* и ассоциат *маленький* (со сходным сегментом *аль*, создающим благозвучие слова; здесь срабатывает частотность данного звуко сочетания с мягким сонорным в словах с корнем *мал* – *малютка*, *малёк*, *мальчик*, *малявка* – так называемый языковой автоматизм, языковая привычка). Так, если звукобуква Ё, например, предьявляется в экспериментах по выявлению ее цветосемантики, то первым (наиболее) частотным ассоциатом выступает слово зелёный. Е – синий (ср. небо как эталон синего цвета). А насекомое – эталон малой величины. Звукокомплекс *пып* – короткий закрытый слог – дает ощущение прерванного движения.

⁸ По-видимому, прилагательное хищное употребляется ребенком в смысле «дикое», «не домашнее». «В Африке живет, большое и доброе» – может быть, ассоциации с СЛОН?

- *Это как бабочки... Не-е-е-т. Это как кошечки. Их можно гладить. Они такие мягкие. Хорошенькие. Добренькие* (д., бл.). Малый размер как эталон безопасности и доброты.

Интересна и связанная с восприятием слова *альдытып* фоносемантическая характеристика движения: **Хромая лошадь, альдытыпает на обе ноги** (м., 12.л.). Звукоизобразительная мотивация, имеющая игровой характер, эксплицирована глагольным новообразованием, а также ассоциативной переключкой с выражение *хромать на обе ноги*.

В толкованиях слова (в том числе игровых) ярко выражена семантика препятствия, которая создается фонетической нетривиальностью (сложностью произнесения звукокомплекса *альдытып*, в котором есть некая «запинка»). Это отражается в соотношении слова с ситуациями, которые вызывают затруднение и требует преодоления. Ср. шутивно-ироничные толкования, полученные от школьников 5-8-х классов): *Кто кататься на коньках учится // Это экзамен // Китайский мерс не завелся // Это правило в русском языке // Неудача // Нервотрёпка // Искатель приключений // Следовательно, допытывающий человека // Человек, который испытывает себя // Неудачная попытка* и т.п.

Особо в плане **игровой актуализации** отметим словообразовательные ономастические проекции слова *альдытып*, представленные **гнездом окказиональных дериватов**: *Альдытып – это имя. Фамилия Альдытыпович. Ему 40.000 лет* (возможно, такая характеристика обусловлена сближением с *допотопный*). *Живет в Альдытыпляндии* (ср. сходство сегмента *тып* и *пытать* при использовании топонимической аналогии с *Финляндия*). Ср., также приведенное выше *альдытыпать*.

Дополняет данный ряд прилагательное, являющееся контантом слова *альдытып* с созвучным прилагательным *любопытный*: *Он очень альдытыпытный* (м., 12 л.). Этот игровой окказионализм можно интерпретировать и как реализующий технику уточняющей ложноэтимологической реноминации [Гридина 1998]. Ср. также ассоциативную идентификацию *альдытып* с *тупой* и приписывание ему соответствующего оценочного смысла: *Альдытып – это друг Невменько* (жаргонизм – о тупом ученике) – (м., 14 л.).

В заключение приведем *топонимическую легенду* относительно происхождения слова, придуманную одним из респондентов. Альдыпып. Альды это значит далеко, а Пып это имя такое, то есть Пып, который далеко идет (д., 7 л.). *Ср. Шалакуша – место, где Куш в шалаше живет. Няндомы – свернутая в название поселка фраза Нянь дома?* (топонимические легенды, бытующие на Русском Севере).⁹

Таким образом, фоносемантические параметры слова АЛЬДЫПЫП в условиях эксперимента реализуют механизм ложно-этимологической мотивации, позволяя перевести этот процесс в игровое русло (можно говорить о потенциально игровой функции таких мотивировок ввиду того, что установка на произвольное толкование задана применительно к «квазислову», значение которого заведомо неизвестно говорящему). Полученные экспериментальные данные позволяют исследовать фоносемантику слова в свете ее психологической реальности для говорящих, в том числе с учетом ведущих модальностей восприятия в актуализации перцептивных образов.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – 2-е изд. – СПб., 2006.

Бекасова Е.Н. Динамика появления и использования прото-слов в идиолекте ребенка // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции. – 2015: Материалы международной конференции (18-20 мая 2015г., ИЛИ РАН РФ). – СПб., 2015. – С.29 -32.

Гоголина Т.В. Грамматическая семантика: технология проведения психолингвистического эксперимента. – Екатеринбург, 2014.

Гридина Т.А. Ложноэтимологические эвристики детской речи как ресурс языковой игры //Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург,

⁹ Приведенные ложноэтимологические легенды были записаны нами во время топонимических экспедиций по Русскому Северу, организованных кафедрой русского языка и общего языкознания УрГУ (Т.Г.).

бург, 7-11 сентября 2015 г./ [отв. ред. Е.Л. Березович]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Народная этимология и языковое творчество ребенка // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С.21-23. Вып.13. – Екатеринбург, 2015

Журавлев В.П. Звук и смысл. – М., 1991.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности: Учебное пособие. – Екатеринбург, 2015.

Кусова М.Л. О значении слова в детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 13. – С.38-144.

Левицкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги. – Черновцы, 1988.

От нуля до двух. Дневниковые записи/сост. С.Н. Цейтлин. – СПб: РПГУ, 1997.

Плотникова С.В. Развитие лексикона ребенка: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2011.

©Гридина Т.А., 2015